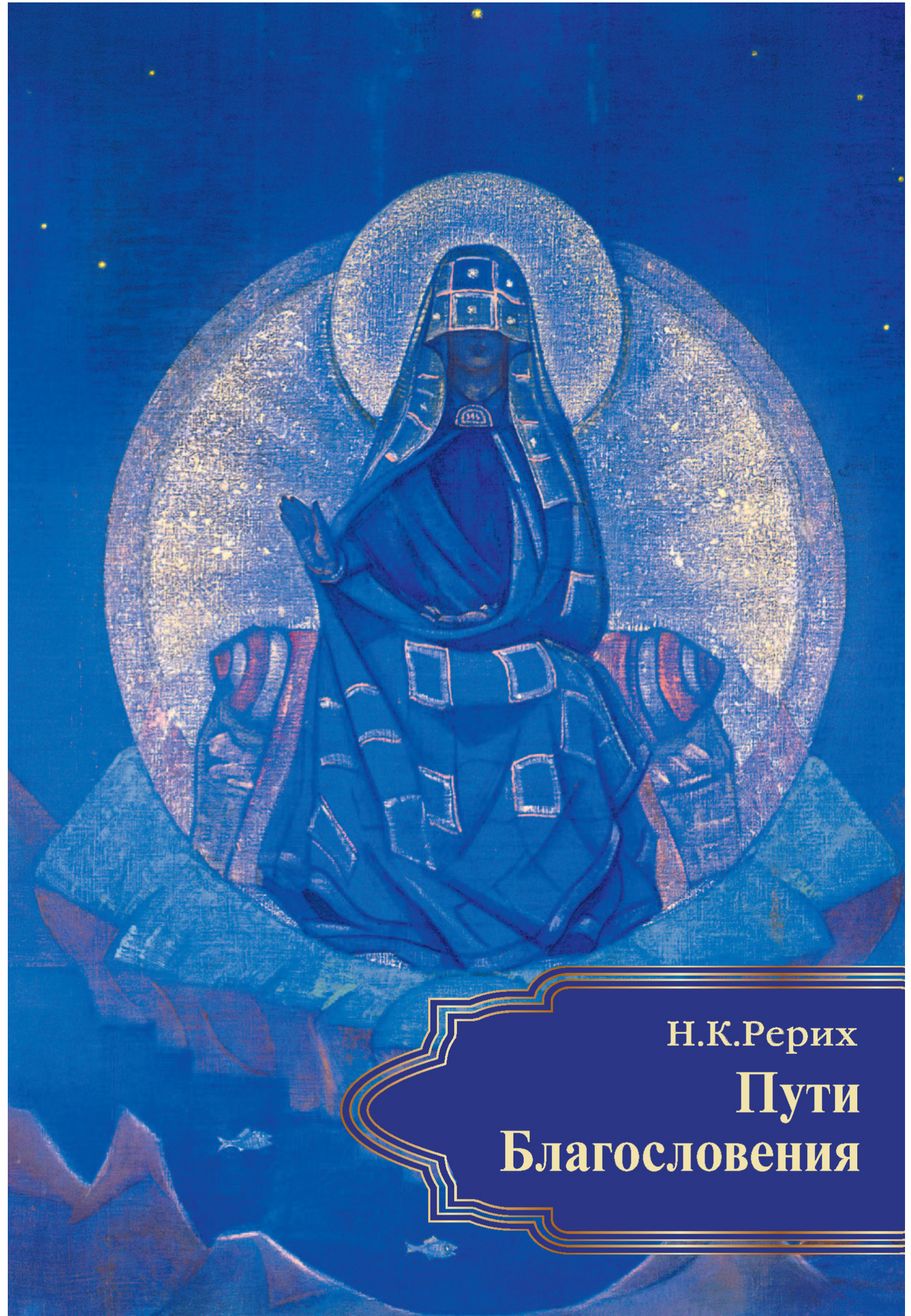

Н.К.Рерих
Пути
Благословения

Николай Рерих

Пути Благословения (сборник)

«Международный Центр Рерихов»

1924

УДК 821.161.1 Рерих: 75
ББК 84 (2Р) 6

Рерих Н. К.

Пути Благословения (сборник) / Н. К. Рерих — «Международный
Центр Рерихов», 1924

ISBN 978-5-86988-292-9

Книга «Пути Благословения» – авторский сборник выдающегося русского мыслителя и художника Н. К. Рериха (1874–1947), впервые увидевший свет в 1924 году. В него вошли повесть «Пламя», созданная в Карелии, а также очерки, написанные во время пребывания художника в США и Индии. Из последних особенного внимания заслуживают «Струны земли» и «Звезда Матери Мира», в которых проводится мысль о единстве всех религий и общности славянской и индийской культур. Искусство, говорящее на языке сердца, красота рукотворная и нерукотворная, радость творчества и труда, утверждает Н. К. Рерих, являются важнейшими эволюционными устоями, способными преобразить жизнь человека и указать ему путь высоких достижений духа.

УДК 821.161.1 Рерих: 75

ББК 84 (2Р) 6

ISBN 978-5-86988-292-9

© Рерих Н. К., 1924
© Международный Центр
Рерихов, 1924

Содержание

Пути Благословения	6
Неотпитая чаша	16
Пламя (Письмо)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Рерих
Пути Благословения
Сборник

© Международный Центр Рерихов, 2017

* * *

Пути Благословения

I

Как пчелы собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обремененные вещами, мы пересматриваем наши «сокровища». Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению, всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

«Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!» – воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи. И придет новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобожденного Духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии космоса.

Подумайте, сколько знамений явлено!

Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идет!

Идет среди изумленных и потрясенных взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошел до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько уже оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты¹, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими *post' и ex' ами*. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пюви, Ван Гог, Гоген, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха. То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое дерево. Они изогнули все, за что могли схватиться судорожные их руки. «Бедные они», – как сказал о них один большой художник.

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, его убедительность – кроются в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет все человечество.

Это не общее место. Не трюизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все «новаторы» пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости – в одном стане. Конечно, чем шире форма – тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утес; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые призраки. Одинокие люди, разделенные горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодежь уже пишет на своем трудовом щите:

«Cor Ardens»² recognizes art as the universal medium of expression and evidence of life. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges the creative impulse irrespective of heritage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. Cor Ardens is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

We must walk the rising road of grandeur enthusiasm and achievement with all the power of our spirit³.

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга на языке высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на темных понятиях денег. Знаю вас – одинокие – перед огнем,

¹ От англ. druggist – аптекарь.

² «Пылающее сердце» (лат.) – объединение молодых художников, основанное Н. К. Рерихом в 1922 г. в Чикаго.

³ «Cor Ardens» видит в искусстве универсальное средство выражения жизни и всех ее проявлений. Оно признает феномен, когда идеалы в искусстве одно временно проявляются во всех частях света, и поэтому почитает творческий им пульс вне зависимости от культурного наследия. Искусство должно твориться чистым духом, по настоятельной потребности. «Cor Ardens» – это реальный шаг к объединению, хотя бы в духе, разделенных благожелательных индивидуумов. Всеми силами духа мы должны восходить по пути возвышенного энтузиазма и достижений (англ.).

который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша еще не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведет нас – тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Еще раз, опять после долгого срока, ты научишься владеть мощностью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! Новый мир идет!

«Оставьте все предрассудки – мыслите свободно», – так Благословенный сказал.

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и «неопытному». Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растет славное человеконенавистничество.

Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать ее старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжет любое количество светочей и не уменьшится.

Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество все-таки, хотя и медленно, идет к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выявляемы такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии? Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлеченное песнопение. Гармония, гармонизация центров есть выявление деятельности во всей ее мощи, во всей ее ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желания будут соответствовать неизмеримости величия Космоса – то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры – звезды на всех неисчисленных планах.

Простота – неперменное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотой. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамках висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъемы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненное – идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларек торговца?

Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей еще нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоуханье храма скует жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам все-таки придется уйти из жизни. Бессчетные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажженную во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока – все найдет свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас, радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Все виновато, но лишь не виноват «цивилизованный человек», ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами «бокса».

Здесь открыты и сердца и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: «благо, благо, благо», нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: «зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путем будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клерки и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путем радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне

заседаний Лиги Наций⁴. И еще одно тоже «необщее место». Со стыдом вспомним о том, о чем поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребенка все еще забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребенка ознакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребенка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. Итак, сперва займут все время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращенные формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Еще бы, за машину заплачены «всесильные» деньги. Ее нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где еще открыто, – там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестает петь, перестает рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее – отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние – радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества – пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа держат на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

⁴ Лига Наций (League of Nations) – международная организация, созданная в 1919–1920 гг. в целях предотвращения военных действий, обеспечения коллективной безопасности и разоружения, урегулирования международных споров дипломатическим путем. Членами Лиги были 63 страны. Прекратила свое существование в 1946 г., когда ее активы и обязательства были переданы в ООН.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И осязая, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом. Он поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы и облегчил путь их. И окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью, и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу. Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек, в большой шубе, неумоимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым – при окончании картины. Он был первым – при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерб.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей – все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это – пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт, и культурный деятель, и гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школ. Основное отличие собрания – не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощенных так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Карела Фабрициуса, его ученика, – разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно, нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф,

узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer'у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями – картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Этот тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи Лицея он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делать. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу. Не заботясь об имени своем. Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход – переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшими размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее

самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешевых картин – это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях и для него величайший вопрос заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны. Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять, и запомнить, и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно, и неудержимо, и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

«Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть». Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте «гордиться» не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своем они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам – вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои «дела», осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Мимэ у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят⁵. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удара искры – стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает все, как должно быть... Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилен и неопасен. Истошив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо

⁵ Мимэ (Миме) – персонаж оперы Р. Вагнера «Зигфрид» из тетралогии «Кольцо нибелунгов». Карлик-кузнец, растивший героя Зигфрида и мечтавший заполучить сокровища и волшебное кольцо, дающее власть над миром. После боя Зигфрида с драконом, сторожившим сокровища, Миме встретил героя с улыбкой и угодливыми речами, однако Зигфрид неожиданно услышал в его словах совсем иной, подлинный смысл: избавившись руками Зигфрида от дракона, коварный карлик замыслил избавиться и от него самого.

всем том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших? – спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами и вместо простого перехода через реку – нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если б весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира еще далеко. Часто мы так твердо заучили что-нибудь, что если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно будем настаивать на своем; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперед. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими «великолепными» материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все «ненужные» провода. Что значит «бедный дух» перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит «глупая» вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней – они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию, и мощь гармонии? Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом еще останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесет время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создает и соответствие материалов. Он поймет, как охранить книги – скрижали знания. Он поймет, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить – как след искры божественной энергии.

Но для того чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъема, этого узнавания. Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но не много людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И еще плотнее притворяют ставни и завешивают шелковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток дает возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает еще усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растет.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж, вагоны ускоряют свой бег. В промежутках между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понесся быстро, и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если дотремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнем видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершины гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижений. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если все движимо творческой любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы все же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующих.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесет это сознание через все трудности жизни. И произнося слова «братство», «любовь», «гармония», мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

«Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряженной гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных. Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесет ответ Возлюбленного».

Новый мир идет.

Santa Fe, 1921

Неотпитая чаша

Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому что она красива и превосходна и, поистине, полна скрытых, великих значений.

Кроме прекрасной природы окраин, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не хотели видеть из окон вагона, когда бывало ездили «куда следует» по словарю предрассудков. Чего не хотели знать; как вообще не хотели знать возможностей своей земли и своего народа.

Когда после простудной напасти стали меня в Крым отправлять, вопреки всему, потянуло меня опять в Новгородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора столько изумительных красот и в Водской и в Шелонской Пятинах. Так близких по значению смысла Новгорода и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Музей – музеем. А жизнь – жизнью. И теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь – настоящее, которое для такого великого будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит – все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда, без смятения. Новгородцы бодры.

Бодры так же, как бодры их озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озерных.

Суровы так же, как непроходны леса, которыми засинели дали. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских Пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А Господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, синие, черные с желтым... Любой выбирай. Все нетронута. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками – храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мста и Шелонь, Шерегород, Пирос, Миронег, Шлино, Бронница и Валдай. Иверский монастырь, Нил Столбенский, возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая. Неописанная.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще «честный лес». По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще.

А вот чудо. Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада, наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина. Чаша неотпитая. Яма – сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкой. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. И грязи целебные. Варницы – старое место, еще при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же и горячие ключи – тоже никому не нужные.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И странно, и больно, но и радостно знать, что даже на больших путях нетронуты такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, всеудовая, крепкая делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь.

Неотпитая чаша – полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт.

Сменцово, 1916

Пламя (Письмо)

В измятом холщовом пакете я получил наконец письмо. Часть пакета залита дождем или волной. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло мое. Пока шел ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернется письмо, на котором надо написать: «по ... дороге до города ..., оттуда переслать по реке ... до устья ... Передать в село ... для пересылки с оказией до... перевала, где вручить крестьянину ... села ... а ему указано, как доставить по принадлежности». Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно – исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их еще недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имен и местностей (я опускаю лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишенным местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

«Пламя» – так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть друг мой простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счел нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому вол – ной письму.

«Ты нашел меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всем происшедшем со мной.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Все описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или – как на сон. Второе – вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат – выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать все как было, – слушай.

Просто так, «как было».

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана – их кажется бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жилье. А, может быть, это – просто скала. Налево и сзади – сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озерки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитой цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие...

А, может быть, все это – просто наше воображение...

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам, вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохранялись бы достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших

обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего – такое хранилище было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далекой Чертовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждет наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произнесет вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда, дальше поселка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали черной точкой покажется сойма. Он ли? Один ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их – малодушие.

Но человекообразия мы все же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями. В смертельных поединках поражают темного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остается неисполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо веселых игр волн под утесом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной весенней листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Все это остановило бы внимание настолько, насколько все это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к Северу без предубеждений. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников. Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потемок? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, все равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить ее от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Все это один раз по просьбе... уже было описано мной. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, – ведь путь очень труден.

Еще один раз – последний – я заставляю себя для тебя записать все бывшее. Если не все, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит – не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи называли моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово «пламя».

Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет пламени бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Их припомнить можно. Обернуться глазом добрым. Без имен. Без времени.

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиной. Охотно изменяю ее. Даже уничтожаю. Мысль и уменье стремятся вперед. Все сделанное ранее уже слишком несовершенно.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с сюитой картин, объединенных названием «Айриана Ваэджа».

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчиненных одной сущности. Сочиненных, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчетность, подневольность. Торговля в храме. Будни – в празднике. Праздник – в буднях. Наши выставки – разве это праздники творчества? Право – поденщина. Отчет. Обязанность. Конторская книга. Все это со временем изменится. Всему найдется свое место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое – ничтожным. Третье – неизобразимым. Но все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества – не верьте. В этом уже скрыто чье-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчетности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях – победа искусства – его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция – открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе свое непосредственное очарование, – все уверения, все законы будут бессильны.

В чем это очарование? В чем истинная правда произведения? Где границы радости и подъема, сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? Мы не знаем. К счастью, не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно дает и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно все, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти темные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почетные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы часто принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошел.

Ковал мою «Ваэджу».

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твердо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он дает спокойствие мысли. Только он открывает глаз на красоты, нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок. Среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определенном порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собой. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвященным. Четвертые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и все это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.